

И. И. РОЗОВ

О ПРИПИСКАХ И ПОМЕТАХ XVII—XIX вв.
НА ЛАВРЕНТЬЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ
(к 600-летию памятника)

В более чем двухсотлетней истории изучения Лаврентьевской летописи заметен недостаток внимания к ее судьбе в XVIII и начале XIX в. Если происхождение памятника в связи со спорами о том, был ли Лаврентий просто переписчиком или в какой-то степени составителем изготовленной им книги, в настоящее время привлекает усиленное внимание исследователей,¹ то вопрос о том, где и в каких руках она побывала в дальнейшем, почти полностью игнорируется.

При недавнем тщательном кодикологическом анализе Лаврентьевской летописи, произведенном в связи с упомянутыми спорами, были вновь прочтены и опубликованы некоторые пометы на ней, а также была обнаружена фрагментарно сохранившаяся приписка, объясняющая как упорядочение листов рукописи при ее переиздании в XVIII в.² Последняя наряду еще с двумя приписками, о которых пойдет речь далее, дает основание утверждать наличие серьезного интереса к этой книге задолго до приобретения ее и использования для публикаций А. И. Мусниным-Пушкиным. Поэтому есть все основания говорить о «более чем двухсотлетней» давности изучения Лаврентьевской летописи.

На последнем листе Лаврентьевской летописи, рядом с выходной записью, есть приписка небрежной скорописью конца XVII или начала XVIII в.: «А сию книгу прозпаменовал Олекъсей Федоров сын Зубатого писал е(?) сам над всею сидел». Здесь же много-

¹ Эти споры отразились даже в названных докладах на юбилейном заседании в ГИИ 19 января 1977 г.: «Лаврентьевский список свода 1305 года» — плавал свой доклад Н. С. Лурье; «Лаврентьевская летопись как памятник эпохи Куликовской битвы» — возразил ему Г. М. Прохоров.

² Прохоров Г. М. Кодикологический анализ Лаврентьевской летописи. — Вспомогат. истор. дисциплины, IV. Л., 1972, с. 85.

численные пробы пера: написание первых букв русского алфавита, отдельные слова и обрывки фраз, например, «при благоверном и христолюбивам князи великом Дмитрее». Все это находится на обеих сторонах листа, который когда-то был приклеен к нижней доске переплета, что не свидетельствует о древности данных записей, проб пера и помет. И они почти ничего не дают для предположений о тех, кто их делал. Лишь пометы какого-то «плачущего Василия» дают основания предположить в нем монаха: к постоянному покаянному плачу призывали авторы многочисленных аскетических сочинений. Фраза же из церковного песнопения указывает на переписчиков или читателей летописи в среде клирошан, скорее всего также монашествующих.³ Все это соответствует владельческой помете Рождественского монастыря во Владимире, сделанной на первом листе Лаврентьевской летописи, который также был когда-то приклеен к доске переплета.

Приписка же Алексея Зубатого дает гораздо больше материала для предположений об использовании Лаврентьевской летописи в конце XVII в. Быть может, он «под ней сидел» и «прознаменовал» ее не для переписки, а для знакомства с содержанием? Но главное — есть достаточно оснований для определения его социального положения.

Сохранилась Ввозная грамота царя Бориса 1604 г. на поместья в Березопольском стане Нижегородского уезда, данная Тимофею Зубатому.⁴ В «Госписи бояр и днаков... московских приказов и других судебных мест» 1611 г. отмечено назначение: «На Земской двор Иван Федорович Зубатой».⁵ В Боярских книгах в 1640 и 1676 гг. упоминаются Юрий и Федор Зубатые.⁶ Ларном Зубатой был в 1618 г. головой в Опочке.⁷ Таким образом, представители рода служилых дворян Зубатых отмечаются в Нижегородском уезде и в Новгородской земле;⁸ эти регионы соответствуют предположениям о написании Лаврентьевской летописи в Нижнем Новгороде⁹ и наличие ее копии, сделанной в Новгороде Великом, на которой следует остановиться подробнее.

³ Эта фраза, равно как и пометы Василия, опубликованы Г. М. Прохоровым (Кодикологические апалпа..., с. 84—85).

⁴ ГПБ. Общое собрание актов и грамот, I, № 261; см.: Андреев А. И. Краткая опись грамот, хранящихся в Рукописном отделении Российской Публичной библиотеки. Пгр., 1923, с. 29, № 246.

⁵ Акты исторические, II, с. 372.

⁶ Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в Боярских книгах, хранящихся в I-м отделении Московского архива Министратва юстиции. М., 1853, с. 155.

⁷ Барсуков А. Списки городовых воевод... Московского государства XVII столетия. СПб., 1902, с. 484.

⁸ Дальнейшие разыскания среди документальных памятников, которые далеко еще не все опубликованы, может быть, обнаружат имя и самого Алексея Зубатого.

⁹ Насонов А. И. История русского летописания XI—начала XVIII века. М., 1969, с. 176—177.

Непосредственно у конца выходной записи Лаврентьевской летописи сделаны арифметические выкладки, являющиеся старейшим датированным свидетельством ее изучения: «6813» от «1305» года по выписи «1764» год будет «459». Они почти буквально повторены на титульном листе копии, гласящем: «Летописец Российский сочиненный киевского Михайловского монастыря игуменом Силвестром в лето от сотворения мира „6624“, а от Рождества Христова „1116“ в при державе благоверного государя царя и великого князя Владимира Всеволодовича Мономаха, который после (так!) переписан на пергамене для употребления благоверному государю великому князю Дмитрию Константиновичу Владимерскому в лето от сотворения мира „6812“, а от Рождества Христова „1304“. Итого от написания по нынешний „1765“ год „649“ лет, а от переписания „461“ год. Списан в Новгородской семинарии „1765“ года».¹⁰

Уже сам факт появления этого развернутого заголовка свидетельствует об осмыслении содержания Лаврентьевской летописи при ее копировании. И прежде всего примечательно, что вычисление числа прошедших лет как в приведенных выше выкладках на подлиннике, так и на титульном листе копии сделано не от даты, обозначенной Лаврентием в выходной записи, а от дат последних зафиксированных в летописи событий. Как будто новгородские семинаристы настолько предпочитали дату подлинника дате списка, что не заметили явной несуразности: в 1304 или 1305 г. названный Лаврентием и на титульном листе новгородской копии князь не мог быть заказчиком летописи — он родился в 1323 г.

Над перепиской Лаврентьевской летописи в 1764–1765 гг. трудилось несколько человек, что свидетельствуется разнообразием почерков ее копии. Переписка велась тщательно, с проверкой и восполнением пропусков отдельных фраз и слов. Последние вставлены на полях, как это было исторически принято, с помощью различных «корректорских» значков, причем это сделано либо тем же почерком, что и основной текст, либо другим. Следовательно, контроль за тщательностью переписки был коллективным: если бы его осуществлял кто-нибудь один, то не было бы такого разнообразия почерков и правки.

Переписчиками отмечались и дефекты оригинала. Так, например, на поле л. 10 об. отмечено: «Зде в подлиннике много листов недостает»; давняя помета соответствует помете на оригинале: «Зде много листов нет», сделанной тем же почерком и теми же чернилами, что и арифметические выкладки на последнем листе рукописи. В дальнейшем, вероятно, переписчики сами замечали и каждый по-своему отмечали дефекты оригинала. Так, например, в двух местах они отмечены двумя и одной строчками

¹⁰ БАН, 34.232, л. 1. — Повторение арифметических выкладок у конца Лаврентьевской летописи и цитируемом тексте особенно наглядно из-за односторонней — в ту, и там — оригинальной манеры написания чисел и выкладок.

значков: «†»: в первом случае это означает пропуск переписчиком нескольких строк подлинника (л. 61 об.), почти по читающимся из-за размытости их какой-то жидкостью, а во втором на поле объяснено: «Зде в подлиннике многое недостает» (л. 186 об.). Аналогичная помета есть и на л. 187 об.: «Зде много недостает в подлиннике». Все эти дефекты текста Лаврентьевской летописи обнаруживаются в натуре, всегда отмечаются ее исследователями и публикаторами, наглядно продемонстрированы Г. М. Прохоровым на его таблице «Конструкция кодекса Лаврентьевской летописи».¹¹

Любопытно и важно отметить следы не только правки копии Лаврентьевской летописи, не только внимания к дефектам ее оригинала, но и проникновения в содержание памятника, отразившееся в подчеркивании отдельных слов и фраз, в пометах и отметках на полях. Среди последних обращает на себя внимание значок «нота бене» нескольких, резко отличных друг от друга начертаний, поставленных в большинстве случаев там, где отмечаются дефекты оригинала, а иногда фиксирующий внимание на их исправлении, на отдельных фразах и свидетельствах летописца.

Так, например, на л. 7, около строки, где указано число лет «от Адама до потопа», стоит такой значок, вероятно для того, чтобы обратить внимание на исправление, внесенное в текст при копировании: в подлиннике здесь описка — нет первых двух цифр, а в копии указано четырехзначное число — 2242. Очевидно, новгородским семинаристам был известен еще какой-то список Начальной русской летописи.¹²

Знак «нота бене» оригинального начертания — латинская буква N с росчерком вверху и нечто похожее на русский «ь» — стоит на поле л. 22 об. около подчеркнутых в тексте слов: «есть притча и до сего дне — беда аки в Родне»; это мог сделать скорее всего кто-то, интересующийся происхождением пословиц и поговорок. Два похожих друг на друга знака «нота бене» поставлены в начале Символа веры — в рассказе о крещении князя Владимира (л. 34 об.) и около фразы статьи 1164 г.: «В то же лето вста ересь Леонтианская» (л. 122); их поставил кто-то изучавший историю церкви. Наконец, тот же знак, но иной маперы написания, стоит около строки с упоминанием имени летописца Сильвестра при помете: «Зде списатель книги соя себя являет» (л. 94).

Таковы примеры отражения разнообразных интересов переписчиков и читателей новгородской копии Лаврентьевской летописи. Они должны привлечь внимание исследователей, так как показывают, что интересное изучение летописания велось в XVIII в. не только такими крупными учеными, как В. Н. Татищев, М. В. Ломоносов и М. М. Щербатов, но и неизвестными нов-

¹¹ Прохоров Г. М. Кодикологический аппарат..., с. 88—89.

¹² В подлинной Лаврентьевской летописи эта описка исправляется по списку XV в. (ГБЛ, М/ДА № 5/182).

городскими семинаристами. И хочется пожелать, чтобы копия 1765 г. привлекала бы такое же пристальное внимание, которое было проявлено, например, и отношении приписок и помет «Несторовской» копии Радзивиловской летописи.¹³ Быть может, при этом окажется, что не все следы изучения новгородской копии относятся к известным лицам.

Наконец, еще об одной приписке на последнем листе Лаврентьевской летописи, самой поздней.

Давно уже было замечено, что А. И. Мусин-Пушкин скрывал и запутывал происхождение наиболее ценных рукописных книг своей коллекции.¹⁴ Обращу внимание на некоторые частности в действиях по отношению к Лаврентьевской летописи и А. И. Оленина. Он считал нужным собственноручно заверить число ее листов, сделав такую приписку: «В сей книге, подаренной покойным графом Алексием Ивановичем Мусиным-Пушкиным Императорской Публичной библиотеке, имеется сто семьдесят три перемеченных листов. Директор Императорской Публичной библиотеки Алексей Оленин».

В этой официальной охранный приписке обращают на себя внимание два странных обстоятельства: она сделана после смерти Мусина-Пушкина (в 1818 г.) и не датирована; в ней прямо говорится, что летопись была подарена Публичной библиотеке, и то время как во всей литературе о ней, вплоть до новейших современных исследований, утверждается факт поднесения ее Александру I.¹⁵ Невероятно, как мог А. И. Оленин не отметить это обстоятельство!

Поднесение Лаврентьевской летописи царю утверждает сам А. И. Мусин-Пушкин в «Записке о посылаемой Несторовой летописи», сохранившейся в двух писарских копиях и также не датированной.¹⁶ На одной из них рукою А. И. Оленина надписано: «От покойного графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина», а около первой фразы сделана помета на поле: «От рожд. хр.: (1305) чему теперь 506 лет» (подчеркнуто рукою Оленина, — *Н. Р.*), т. е. документ датируется 1811 г., причем — как в новгородской копии — отсчет сделан не от даты переписки летописи Лаврентием. Но сделано это также «задним числом», после смерти Мусина-Пушкина, что ставит под сомнение сообщаемые в «Запи-

¹³ Моисеева Г. И. Ломоносов и древнерусская литература. Л., 1971, с. 149—222.

¹⁴ См.: Моисеева Г. И. Спасо-Ярославский хропограф и «Слово о полку Игореве». К истории сборника А. И. Мусина-Пушкина со «Словом». Л., 1976, с. 5—18.

¹⁵ Г. И. Моисеева, например, пишет, что Лаврентьевская летопись была «подарена Мусиным-Пушкиным в 1811 г. Александру I при открытии Публичной библиотеки» (Спасо-Ярославский хропограф..., с. 16); необходимо уточнить: Публичная библиотека была открыта 2 января 1814 г.

¹⁶ ГИБ, ф. 542, № 514. — На этот документ обратила мое внимание Г. И. Моисеева, за что выражаю ей свою искреннюю признательность.

ске» факты — любопытные и характеризующие владельца Лаврентьевской летописи настолько ярко, что их следует привести.

После пространных рассуждений со ссылками на П. П. Болтина, М. М. Щербатова и П. М. Карамзина о том, почему «летопись сия — самая верная и древняя из всех ныне существующих», в «Записке» говорится: «Опасаясь, чтоб находящийся у меня список, в последствии времени не имел равного жребия с так именуемым Кеннигсбергским, который даже и издан иностранцем, я приемлю дерзновение поднести свой список Государю Императору. Тогда уже бесполезны останутся все усилия иностранцев, неоднократно покушавшихся о приобретении драгоценного сего источника наших летописаний; во свидетельство чего, между прочим, прилагаю письма, бывшего у нас Английского посла г-на Дугласа, предлагавшего мне, чрез банкира своего за сию летопись и имеющееся у меня Греческое Евангелие 1000 червонных, или даже какую сам положу на оное цену».¹⁷

Выписки из переписки Мусина-Пушкина с Дугласом сохранились в том же, что и цитированный документ, архивном фонде Олениных. Дуглас, между прочим, пишет, что «Хропка Нестора» представляется ему «более интересной» (чем греческое Евангелие, — *Н. Р.*), и при этом замечает: «У Вас они прекрасные, но единичные вещи, в то время как у меня они станут частью коллекции».¹⁸

Таким образом, следует выразить удовлетворение не только тем, что Лаврентьевская летопись избежала участи Хронографа со «Словом о полку Игореве», но и тем, что не ушла она в частную коллекцию за границу, а оказалась — тем или иным путем — в одном из крупнейших и славных отечественных древлехранилищ, в Публичной библиотеке.

Таковы наблюдения и первоначальные выводы, которые можно сделать из приписок и помет XVII—XIX вв. на Лаврентьевской летописи. И этот материал нельзя игнорировать при изучении истории русской историографии. В изданиях же Лаврентьевской летописи, вплоть до новейших, приводится лишь владельческая запись Рождественского монастыря: «Других приписок на полях позднейшими почерками, как малоценных, касаться не станем», — говорится, например, в Предисловии к 1-му тому Полного собрания русских летописей.¹⁹

Поэтому кодикологический анализ Лаврентьевской летописи следует дополнить материалами о ее судьбе в XVII—XVIII вв.

¹⁷ ГПБ, ф. 542, № 514, л. 3 об.

¹⁸ Там же, № 63, л. 2 (переведено с французского, — *Н. Р.*). — Исследователям истории Лаврентьевской летописи можно пожелать исследовать специально вопрос о попытке продать ее Дугласу и выяснить, насколько достоверным и искренним был «патриотизм» Мусина-Пушкина в этом деле. Прежде всего следует поискать подлинники писем Дугласа, так как приведенные выписки — анонимные и перепечатанные — могут оказаться тенденциозными.

¹⁹ Цитируется по новейшему переизданию (М., 1962, с. IV).

«Отец» современной кодикологии — французский ученый А. Дэн — в качестве ее задач называет «историю рукописей, историю рукописных собраний, изучение торговли рукописями, их использование».²⁰ Изучение же читательского интереса к древнерусским рукописным книгам, причем на всем протяжении существования каждой из них, становится в настоящее время одной из актуальнейших задач советского книговедения.²¹

В. А. ГУЩИН А, Б. А. ГУЩ И И

НОВОЕ ОБ ИСТОРИИ ПАМЯТНИКОВ КИЖСКОГО АРХИТЕКТУРНОГО АНСАМБЛЯ

Кижский архитектурный ансамбль состоит из трех зданий: Преображенской церкви 1714 г., Покровской церкви 1764 г. и колокольни 1874 г. Данная датировка встречается во всех трудах по истории русского деревянного зодчества.

Ряд недавно обнаруженных архивных источников позволяет нам приоткрыть отдельные страницы истории не только ныне существующих памятников Кижского ансамбля, но и их предшественников, а также уточнить датировку Покровской церкви и колокольни.

Впервые Спасский погост в Кижях был описан в 1496 г. Юрием Константиновичем Сабуровым, хотя в числе семи погостов, дошедших до нас в его записи, он не числится.

Но при внимательном изучении описания Спасского погоста в Кижях по писцовой книге 1563 г. писца Авдрея Лихачева (к сожалению, начало описания Кижского погоста не сохранилось) обращают на себя внимание пояснения в тексте, повторяющиеся в разных местах семь раз, которые позволяют сделать этот вывод. Так, после подробного описания деревень Кижского погоста и поместного перечисления тягловцев, живущих в них, имеется следующая записка: «да у погоста же писаны по Юрьеву письму Константиновича 3 двора Онтушка Торокацова да Михалка || да Федка Поповых да Бориска Белкова, и те дворища пусты и дворов нет».

Из приведенного текста видно, что в момент описания Сабуровым в 1496 г. погост существовал и некоторые деревни были уже в запущенном состоянии.¹

²⁰ Лободеня И. И. Кодикология — наука о рукописных книгах. — Вспомогат. истор. дисциплины, IV. Л., 1972, с. 117.

²¹ Этому были посвящены «Федоровские» чтения в декабре 1976 г. в Москве, в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина, названные «Читатель и книга: вчера, сегодня, завтра».

¹ Писцовые книги Оболенской пятны 1496 и 1563 гг. Изд. АН СССР, Л., 1930, с. 126; Гущина В. А., Гущина Б. А. Писцовые книги Обо-